

Россия на Дальнем Востоке: этническое и культурное врастание в регион

Вадим Анатольевич Тураев,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: v_turaev@mail.ru

В статье рассматриваются особенности колонизационных процессов на российском Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. Анализируются объективные причины слабого хозяйственного развития, показаны механизмы российского этнокультурного врастания в регион: воздействие русской православной церкви, наличие аборигенного самоуправления как реальной внутренней автономии, сохранение обычного права коренных народов как составной части российского правового поля, толерантные установки в межэтнических отношениях, свойственные русскому человеку.

Ключевые слова: колонизация, отходничество как форма колонизации, политическая значимость как ключевой смысл региона

Russia in the Far East: the ethnic and cultural growth into the region.

Vadim A. Turaev, Cand. Sc. (History), leading researcher of the Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The article considers the peculiarities of colonization processes in the Russian Far East in XVII—XIX centuries. Analyzed are the objective reasons for its weak economic development, shows the mechanisms of the Russian ethnic cultural growing in the region: the impact of the Russian Orthodox Church, the presence of aboriginal by the municipality of how real internal autonomy, the preservation of the customary law of indigenous peoples as an integral part of the Russian legal field, tolerant installation in interethnic relations inherent Russian man.

Key words: colonization, seasonal work as a form of colonization, the political significance as a key meaning region.

Преврашение Сибири и Дальнего Востока в неотъемлемую часть общероссийского исторического пространства в отечественной историографии описывалось в различных терминах: *завоевание, присоединение, вхождение, колонизация, освоение, заселение*. За каждым из них закрепились определённые содержательные стереотипы. Большинство из этих понятий первоначально возникло на Западе и по аналогии стало

применяться к русской действительности. Насколько адекватно отражают они те непростые процессы, что происходили на Дальнем Востоке последние 400 лет?

Не буду останавливать внимание на таких терминах, как *завоевание*, *присоединение* и *вхождение*. В последние 70 лет вокруг них было много дискуссий [1; 9; 22 и др.], за которыми чаще всего стоял не поиск истины, а стремление отыскать нейтральное по смыслу и эмоциональной нагрузке слово, способное заменить неуместное в конкретной политической ситуации понятие и тем самым замаскировать суть явления.

Вопреки советским идеологическим построениям Сибирь и Дальний Восток были именно завоёваны, и я не вижу необходимости испытывать по этому поводу моральные угрызения. Завоевание — единственный способ формирования многонациональных империй, да и большинство современных государств возникли как последствия таких завоеваний. Особенность русского взятия Сибири и Дальнего Востока состоит разве лишь в том, что завоевание столь гигантских пространств было осуществлено в исторически ничтожный срок и не многотысячными армиями, а крохотными отрядами численностью в несколько десятков человек. Было, видимо, в этом завоевании что-то такое, что трудно объяснить одной силой оружия.

Гораздо больше вопросов вызывают такие понятия, как *колонизация* и *освоение*. В отечественной литературе они трактуются как синонимы. Но, по справедливому замечанию П. Ю. Черносвитова, между ними не может не быть существенных отличий. Главным признаком «освоения» является то, что население, осваивающее территорию, живёт за счёт её ресурсов и тем самым создаёт самодостаточную систему хозяйствования. *Колонизация* же предполагает использование местных ресурсов главным образом для нужд метрополии [21, с. 123]. Именно в таком смысле говорят о колониальной политике государств по отношению к той или иной территории. Так чаще всего рассматривали и рассматривают Сибирь местные областники.

Насколько применима такая оценка к Дальнему Востоку? Безусловно, русское государство расширилось на восток не ради «перемены мест». Главная цель хождения «встреч солнца» — поиск дополнительных ресурсов, необходимых для развития государства. Основной движущей силой русского пришествия в Сибирь была пушнина. В середине XVII в. она давала России треть всех государственных доходов [12, с. 104]. При этом на долю Восточной Сибири с Дальним Востоком приходилось более 90% всех денежных поступлений от пушнины, а 75% доходов от промысла соболей государство получало в виде ясака [15, с. 21].

Колониальное ограбление народов Дальнего Востока, однако, длилось недолго и прекратилось уже в XVIII в., по мере того как исчезал ценный пушной зверь. С этого времени громадная территория ничего кроме убытков не приносила. На содержание Анадырского острога, например, только в 1710—1764 гг. был израсходован 1 млн 380 тыс. руб., в то вре-

мя как доходы от ясака и различных сборов по Анадырскому ведомству составили всего 29 тыс. [14, с. 83]. Расходы превышали доходы в 47 раз. На Камчатке расходы стали преобладать над доходами с 1775 г. и с каждым годом это соотношение увеличивалось. Если в 1794 г. расходы на содержание органов управления, духовенства и военных на Камчатке превосходили доходы камчатского казначейства в 2,3 раза, то в 1831 г. — в 25 раз. Помощник начальника Камчатки Кузмищев, говоря о её убыточности, писал: «Камчатка, смею выразиться сравнением, похожа на чужеродное растение, которое привилось к России и живёт и питается на её счёт. Отсечь и бросить её жалко и нельзя. Камчадалы и коряки... давно привыкли к употреблению европейских изделий... Нельзя вовсе оставить Камчатку и потому, что могут занять её другие просвещённые народы, и тогда в России между её американскими колониями и Сибирью будут чужие владения» [10, с. 59].

На протяжении трёх веков почти единственным источником доходов государства на Дальнем Востоке был ясак. Однако назвать его экономическим ограблением инородцев не поворачивается язык. Подати русских поселенцев были намного выше ясачных повинностей. Не случайно многие крестьяне старались переписаться в ясачное сословие. Аборигены по сравнению с русскими имели целый ряд привилегий. Они освобождались от рекрутской повинности, пользовались отсрочками от уплаты налогов, обладали правом на свободный и беспошлинный сбыт своей продукции, за ними закреплялись земли, на которых они вели своё хозяйство.

Вовлечение в XX в. в хозяйственный оборот рыбы, золота, леса и других ресурсов, безусловно, повысило доходность территории, однако отнюдь не сделало её прибыльной. Даже в наиболее благоприятные 70-е и 80-е гг. XX в. регион потреблял на четверть больше, чем производил. В условиях отдалённости, слабости транспортной инфраструктуры и внутреннего рынка, крупных затрат на содержание социальной сферы большинство предприятий промышленности и сельского хозяйства были нерентабельными и прекратили своё существование, как только их перестали субсидировать. Ключевой смысл региона на протяжении столетий заключался не в экономической, а в политической значимости [2, с. 488].

Так обстоит дело с колониальным прошлым Дальнего Востока. Ну а если рассматривать колонизацию не как политику ограбления территории, а как процесс заселения и хозяйственного освоения? Такое понимание со времён П.А. Словцова господствует. Выделяют две основные модели колонизации: правительственную (принудительная «посадка» людей на пашню либо в промышленное производство, ссылка, военное присутствие) и вольно-народную — колонизацию по инициативе самого человека. Вторая даёт лучшие результаты. На Дальнем Востоке в отличие от Сибири, особенно Западной, настоящей вольно-народной колонизации до 60-х гг. XIX в. по существу не было, а то, что было, имело весьма специфическую форму отходничества.

В разные периоды оно проявлялось по-разному. В XVII в. это был поход за пушниной. После того как пушной зверь был выбит, основная масса вольного русского населения (промышленники, торговцы, гулящие) возвратилась в Россию. Территорией отходничества оставался Дальний Восток в XVIII и первой половине XIX в. Основу его вольного населения составляли военные и чиновники. Для них пребывание в регионе также было своеобразной формой отходничества. Прослужив на Дальнем Востоке несколько лет, выслужив досрочный чин и льготную пенсию, они возвращались в центральную Россию. Отходничество — на этот раз за длинным рублём — набрало силу во второй половине XX в. Ехали обычно на три года, многие оставались на более долгий срок, но как только рубль перестал быть длинным, основная масса стала возвращаться в места исхода.

В результате такого «освоения» автономной и самодостаточной системы хозяйствования, что и составляет суть освоения, на Дальнем Востоке, по большому счёту, так и не было создано. Немногочисленные русские поселенцы, добровольно или в силу исторических обстоятельств осевшие на Дальнем Востоке на постоянное жительство, заимствовали с некоторыми изменениями систему, созданную коренными народами, и по этой причине сами во многом превратились в аборигенов.

В.П. Маргаритов, совершивший в конце XIX в. поездку на Камчатку, писал о её состоянии: «Русские, переселившиеся в Камчатку, не удержали за собой ничего русского, или совершенно забыв его, или изменив до неузнаваемости, оставили свои прежние занятия, забыли всё, что знали на родине... Пилы и рубанка не знают... Доски тешут топором. Стекло в окнах — редкость, обычно — кишки и пузыри... Имея целью научить аборигенов хлебопашеству и скотоводству, они сами утратили всякое понятие о них... Взамен... по примеру туземцев, стали заготавливать себе на зиму вместо хлеба рыбу, вместо пеньки — крапиву.. Они не только не подняли уровень развития аборигенов, но сами опустились на несколько степеней» [13, с. 125].

Камчатка не была в этом отношении исключением. Верхоянское окружное управление в 1856 г. сообщало о занятиях русского населения низовьев Яны и Индигирки: «В образе жизни одинаковы с кочевыми инородцами; жительство имеют при берегах Ледовитого моря, а потому не имеют рогатого скота, кроме оленей и собак... Промышленность, производимая ими, заключается в улове разных родов зверей... рыбы разных же родов и, в летнее время, птиц» [18, с. 217].

В середине XIX в. даже такие островки сомнительной русскости на Дальнем Востоке можно пересчитать по пальцам: Русское Устье на Индигирке, Походск в низовьях Колымы, Марково на Анадыре, Охотск и Гижига на Охотском побережье, долина р. Камчатки. В отличие от Сибири, хозяйственное освоение которой осуществлялось в процессе крестьянской колонизации, на Дальнем Востоке главным действующим лицом до середины XIX в. были служилые люди. Получая в виде жалования му-

ку, крупу, толокно, соль, казаки уже по этой причине были не особенно заинтересованы в хозяйственной деятельности, тем более что к занятию хлебопашеством не располагали и природно-климатические условия региона. В качестве земледельцев казаки не воспринимались серьёзно даже на юге Дальнего Востока, поскольку предпочитали не обрабатывать землю, а сдавать её в аренду. В отчёте земельной комиссии А.Н. Куломзина (1901—1903 гг.) утверждалось, что казачья колонизация находится в полном противоречии с действительными колонизационными задачами — заселить пустующие земли и обратить их в культурное состояние [16, с. 57]. Более успешно процесс земледельческого освоения пошёл здесь лишь после массового переселения крестьян.

В экономическом смысле Дальний Восток, несмотря на некоторые успехи в освоении его южных районов, по большому счёту оставался страной охоты даже в конце XIX в. По-другому, собственно, и быть не могло. Для успешного аграрного освоения, а именно такое освоение было в тот период единственно возможным, большая часть Дальнего Востока была непригодна (как известно, не сильно преуспела по этой части и Америка на Аляске). Кроме того, для формирования полноценной региональной экономики необходим рынок, в условиях удалённости от центра особенно важен внешний рынок. Такого рынка не было, а без него Дальний Восток лишь камень на шее государства. Неплохие возможности открывались в ходе промышленной индустриализации региона во второй половине XX в., если бы на несколько десятилетий не были испорчены отношения с Китаем, в результате чего был потерян гигантский китайский рынок.

Большинство современников в конце XIX — начале XX вв. главной причиной безотрадного состояния региона считали военную колонизацию. Всё, что делалось на Дальнем Востоке, делалось в военно-политических интересах, а не ради развития экономики. История всех сколь-нибудь крупных населённых пунктов региона несёт печать этих интересов. Как только военно-стратегическое значение утрачивалось, поселение либо исчезало (Акланск, Олюторск, Анадырск), либо превращалось в забытую богом и людьми деревушку (Гижига, Усть-Камчатск, Удское). Ярким примером такой зависимости может служить и Владивосток. В 1889 г. он получил статус крепости, и сразу же началось его бурное обустройство. Были построены Уссурийская железная дорога, коммерческий порт, плавучий и береговой доки, открыт Восточный институт, получила развитие торговля, начались регулярные рейсы судов по побережью, добыча каменного угля в Сучане. В 1898 г. главная морская база русских переместилась в Порт-Артур, одновременно погас и государственный интерес к Владивостоку. В начале XX в. Н.В. Слюнин писал: «Корейцы и монголы везут сюда скот, японцы — овощи, цемент и уголь, крестьяне-землевладельцы занимаются чем угодно, только не земледелием, на полях работают корейцы и китайцы, а муку везут морем из Одессы, Америки и Манчжурии» [19, с. 6—7].

Следствием военной колонизации стало практически полное отсутствие на Дальнем Востоке транспортной инфраструктуры. На Камчатке первая дорога протяжённостью 12 вёрст была построена лишь в 1851 г. — через 250 лет после вхождения территории в состав России. Стоит ли поэтому удивляться, что русский на Камчатке отказался от лошади и телеги, заменив их собакою, нартой и батом. Главными путями сообщения в конце XIX в. на Дальнем Востоке оставались тропы, по которым казаки ходили в XVII в., да и они обслуживали лишь административные и военные потребности. «Колёсная» дорога от Хабаровска до Владивостока строилась в годы войны. В силу военной надобности ей не придавали экономического значения. По этой причине она прошла по кратчайшему пути вдали от уже возникших экономических центров и не оказывала долгие годы никакого влияния на развитие экономики. Военно-стратегическими соображениями, как мы знаем, было вызвано в XX в. строительство БАМа. Да и недавнее появление программы социально-экономического развития Курильских островов продиктовано по традиции внешнеполитическими обстоятельствами.

Справедливости ради надо сказать, что освоить в хозяйственном отношении громадные пространства Дальнего Востока государству было просто не под силу. Демографический потенциал России не соответствовал её территории ни в XVII в., ни позднее. Достаточно сказать, что в 1678 г., т.е. когда страна уже выходила к Тихому океану, в ней насчитывалось всего 5,6 млн жителей [4, с. 192]. Численность русских на Дальнем Востоке в XVII в. даже в годы наибольшего наплыва не превышала полутора-двух тысяч человек, причём в основном это были временные поселенцы [6, с. 91]. Мало изменились эти цифры и к середине XIX в. На обширных пространствах между Леной и Охотским морем, не говоря уже о более отдалённых территориях, практически не было русских. Переселение в конце XIX — начале XX вв. в Сибирь и на Дальний Восток значительной части крестьян осуществлялось в силу тех же демографических причин по принципу «и хочется и колется» и очень скоро стало восприниматься властью как опасное «выкачивание» русских людей из Европейской России [8, с. 81].

Нельзя забывать и того, что все эти годы государству и помимо Дальнего Востока было что осваивать. Только на юг европейской России, на тучные чернозёмы Малороссии и Новороссии, а также в более близкую и более благоприятную в климатическом отношении Сибирь переселилось 15 млн человек. В таких условиях приоритетность освоения тех или иных территорий не могла не зависеть от внешнеполитических и военно-стратегических обстоятельств. На Камчатку и Чукотку правительство обратило внимание после того, как там появились американцы. Приамурье и Приморье вошли в орбиту государственных интересов после того, как стали выходить из многовековой спячки Япония и Китай.

На протяжении всей своей российской истории Дальний Восток был регионом «про запас», регионом на будущее. Удивительно точную оцен-

ку такой его роли дал известный мемуарист XIX в. Ф.Ф. Вигель: «Россия всегда смотрела на Сибирь, как богатая барыня на дальнее поместье...»: авось когда-нибудь да понадобится. Ему же принадлежит ещё одно прелестное выражение: «Сибирь, как медведь, сидит у России на привязи» [3].

В таком случае нельзя не задаться вопросом: чем же занималась Россия на Дальнем Востоке на протяжении трёх веков? Ответ удручающе прост: сбором ясака, потерявшего экономическую значимость уже в XVIII в., и геополитическим закреплением дальневосточных территорий за Российским государством. К этим функциям я бы добавил ещё одну — формирование научных знаний о совершенно неизвестном до этого регионе мира, его природе, населении, соседях. Из сочетания этих функций и родилась та специфическая форма российского присутствия на Дальнем Востоке, которую я обозначил как этническое и культурное вращение в регион, но которую можно назвать и по-другому — культурная колонизация. При таком типе взаимодействия власть над коренным населением, стоящим на более низком уровне социально-экономического развития, достигается не столько военной силой и экономическим принуждением, сколько стадийно превосходящей культурой. Главная особенность такой колонизации состоит в том, что все культурные и социальные институты, которые в обычных условиях должны развиваться народами самостоятельно, привносятся извне [20, с. 83].

Герцен, сравнивая методы российской и американской колонизации, писал: «Россия расширяется по другому закону, чем Америка. Соединённые Штаты, как лавина, оторвавшаяся от своей горы, прут перед собой всё; каждый шаг, приобретённый ими, — шаг, потерянный индейцами. Россия... как вода, обходит племена со всех сторон» [5, с. 66]. Действительно, политики вытеснения аборигенов с их родных земель, столь характерной для европейской колониальной традиции, Россия никогда не проводила. Отсюда и результат: исторически сложившиеся на Дальнем Востоке аборигенные системы природопользования не были разрушены русским присутствием. Произошло не замещение коренного населения массой переселенцев, а органичное вращение в культурное пространство Дальнего Востока русского человека и русской культуры. Если учесть, что русские были здесь абсолютным меньшинством на протяжении нескольких столетий, ситуация уникальная!

Существуют разные объяснения этого феномена: невысокий уровень цивилизованности русских переселенцев, что уменьшало культурную дистанцию между ними и местными народами [11; 7]; проявление азиатской сущности русского человека, который, продвигаясь на Восток, «возвращался тем самым к своим родственникам после недолгого пребывания в Европе» [23, р. 392]. Нельзя сказать, что во всех этих суждениях совсем уж нет рационального зерна. Но главное, видимо, всё-таки в другом — русский человек никогда не имел комплекса превосходства над другими народами и не стремился от них отгородиться. Как писал

в своё время Ф. Нестеров, русский народ в царской «тюрьме народов» был не тюремщиком, а заключённым [13а, с. 112].

Америку часто называют плавильным котлом, в котором выплавлялась американская нация. Сибирь с Дальним Востоком тоже были плавильным котлом, однако механизм плавки здесь был другой. Американская нация создавалась из европейских народов, хорошо разбавленных африканскими невольниками. С самого начала из этого процесса были исключены многочисленные индейские сообщества. Большую их часть уничтожили в ходе индейских войн, оставшихся изолировали в резервациях. В формировании нарождающегося американского общества они почти не участвовали. Американскими гражданами их стали считать лишь в 1924 г.

В плавильном котле Сибири и Дальнего Востока аборигенное население на протяжении нескольких столетий было основным компонентом плавки. Разность исходных элементов определила и сущность конечного продукта. На американской земле появились новое государство и новая нация. В Сибири и на Дальнем Востоке родились новые субкультурные общности русских: камчадалы, марковцы, колымчане, бухтарминцы, затундренные крестьяне. Понятие «чистоты крови» не имело на Дальнем Востоке ровно никакого значения. Малочисленность русского населения, особенности его половой структуры (преобладание мужчин) способствовали тому, что широкое распространение получили смешанные семьи. Дети в таких семьях не были изгоями, они были желанны и любимы, становились своеобразным связующим звеном между двумя культурами. Узкий разрез глаз и смуглость кожи, странный русский язык ничуть не мешали им иметь с русским человеком, говоря словами П.Я. Чаадаева, «общую физиономию», уверенно чувствовать себя в потоке русской жизни.

Чем обусловлены такие различия? Миллионы европейцев, отправляясь за океан, чтобы создать там новое, свободное общество, навсегда порывали со своей прежней родиной. Многие русские тоже шли в Сибирь и на Дальний Восток в надежде на лучшую долю, на жизнь «без царя», на поиски Беловодья — легендарной страны свободы из русских народных преданий, однако это движение не было эмиграцией, а представляло собой переход с одного места жительства на другое. Со временем эти люди стали отличаться физическим обликом, языком, материальной и духовной культурой, заметно изменялись в своих мыслях и предпочтениях, но не переставали быть русскими.

По справедливому замечанию Фернана Броделя, «Европе пришлось терпеливо перестраивать Америку по своему образцу и подобию, чтобы Америка начала соответствовать её желаниям» [2а, с. 60]. Россия восприняла Дальний Восток таким, каким он был, и не стала утомлять себя переделками, полагая, что проще и эффективнее подстроиться под существующую реальность, что всё, так или иначе, разрешится само собой. Что, собственно говоря, и произошло.

Не последняя роль в этнокультурном вращении России в пространство Дальнего Востока принадлежит русской православной церкви. Христианизация, начавшаяся в регионе вместе с появлением первых русских, приобрела массовый характер в конце XVIII в. и оказала большое влияние на коренные народы. Церкви и монастыри были первыми «культурно-просветительными учреждениями» Дальнего Востока. При всей своей формальности христианство способствовало обновлению социальных отношений коренных народов, росту грамотности. Оно привело к изживанию левирата, многожёнства, способствовало более глубокому общению коренного и пришлого населения, помогало воспринимать русскую культуру, а через неё — приобщаться к европейским ценностям, общему ритму жизни российского общества. Играя роль объединяющего фактора, православие формировало у коренных народов российскую идентичность, чувство принадлежности к многонациональному государству.

Вращению России в цивилизационное пространство Дальнего Востока способствовали государственно-правовые механизмы. Российское законодательство не отторгало существующие системы обычного права коренных народов, а делало их составной частью российского правового поля. На низовом уровне допускалось аборигенное самоуправление, которое обеспечивало коренным жителям не только реальную внутреннюю автономию, в том числе и такой её важнейший компонент, как собственное правосудие, но и вовлекало их в орбиту государственной жизни, в политическую реальность времени.

Культурная колонизация Дальнего Востока к концу XIX в. не завершилась окончательно. Тем не менее можно выделить следующие исторические последствия этого процесса:

- произошло включение огромного региона в общеисторическое культурное взаимодействие;
- было положено начало территориальному сближению Европы и Восточной Азии, пересечению двух различных культурных пространств;
- началось динамичное развитие связей коренных народов с русским и другими европейскими народами;
- с приходом русских на Дальнем Востоке прекратились кровопролитные межродовые конфликты, ускорились процессы этнической консолидации и межэтнической интеграции.

Будучи единственным транслятором европейских ценностей на востоке страны, Россия за 400 лет своего присутствия осуществила Сибирь и Дальнему Востоку такую прививку европейской цивилизационной идентичности, без которой они уже не мыслят своего существования.

Среди европейских ценностей, принесённых русскими на Дальний Восток и пустивших здесь глубокие корни, с полным основанием можно назвать переход к земледелию и оседлости, появление городов — главных центров европейской цивилизации, европейской религиозной системы и политической традиции. Посредством русской культуры коренное население региона стало приобщаться к письменной традиции

и профессиональной культуре. Нельзя, наконец, не сказать и о том, что, сделавшись составной частью Российского государства, Дальний Восток тем самым не только вошёл в систему международных отношений, но и стал их субъектом.

С таким цивилизационным багажом вступил российский Дальний Восток в XX век. Всё, что происходило здесь в этом столетии, требует особого разговора. В целом процесс вrastания российского государства в дальневосточное цивилизационное пространство продолжался. Были на этом пути не только успехи. У советской власти по этой части немало скелетов в шкафу. Репрессивная политика государства породила такие уродливые формы хозяйственного освоения, как лагерная экономика. Советская политика «сближения и слияния» наций дала мощный толчок ассимилятивным процессам у коренных народов. Индустриализация Дальнего Востока, опережая социальное и культурное строительство, породила множество серьёзных экологических проблем. Был прерван диалог российского Дальнего Востока с зарубежными соседями и культурами.

Советская власть много сделала для дальнейшего заселения региона (в 1926—1989 гг. численность населения Дальнего Востока выросла более чем на 5 млн человек), превращения его в этнически русскую территорию, но она же приложила немалые усилия для его опустынивания. С административной карты Дальнего Востока в XX в., главным образом во второй его половине, в рамках борьбы с неперспективными поселениями исчезли сотни населённых пунктов. Процесс опустынивания продолжается и сегодня. В Хабаровском крае, например, в период между переписями 1989 и 2002 гг. прекратило существование более 150 сельских поселений [17, с. 88]. Три четверти современной территории Дальнего Востока — это пустые безжизненные пространства. Невольно возникает вопрос: русская колонизация Дальнего Востока замерла или завершилась окончательно?

На протяжении нескольких столетий Россия могла позволить себе держать Дальний Восток «на привязи», однако продолжать такую политику в XXI веке уже не удастся — можно потерять всё. Дальний Восток как неотъемлемая часть АТР, становящегося в современных условиях важнейшим политико-экономическим плацдармом мирового развития, требует других подходов и другой освоенческой философии.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Башарин Г.П. Некоторые вопросы историографии вхождения Сибири в состав России. Якутск. Кн. изд-во, 1971. 135 с.
2. Бляхер Л.Е., Пегин Н.А. Динамика представлений населения Дальнего Востока России о китайских мигрантах на рубеже XX—XXI веков // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX—XX и XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 485—501.

- 2а. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. Т. 3. М.: «Весь мир», 2007. 784 с.
3. Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. Цит. по: http://imwerden.de/pdf/vigel_zapiski.pdf.
4. Водарский Я.В. Население России в конце XVII — начале XVIII вв. М., 1977. 262 с.
5. Герцен А.И. Собрание сочинений. Т. 7. М., 1958.
6. Гурвич И.С. Русские на северо-востоке Сибири в XVII в. // Сибирский этнографический сборник. Т. 5. М.: Изд. АН СССР, 1963. С. 71—91.
7. Дедлов В.Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. М. 2008.
8. Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб., 1910. 168 с.
9. Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 124—136.
10. Казарян П.Л. План П.Ф. Кузмищева 1834 года о передаче Охотско-Камчатского края Российско-Американской компании. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2009. 268 с.
11. Кауфман А.А. Наш Дальний Восток и его колонизация // Русская мысль, 1909, № 12.
12. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. 272 с.
13. Маргаритов В. Камчатка и её обитатели // Записки ПОИРГО. Хабаровск, 1899. Т. 5. Вып. 1. 145 с.
- 13а. Нестеров Ф.Ф. Связь времён: опыт исторической публицистики. М., 1984. 239 с.
14. Окунь С.Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л.: Соцэкгиз, 1935. 152 с.
15. Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII веке. Красноярск, 1974. 239 с.
16. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи: оценки и прогнозы имперских экспертов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX—XX и XXI веков. Иркутск: Отгиск, 2010. С. 17—64.
17. Россия 2002—2005: соц.-демогр. ситуация: XII аналит. доклад. М.: Наука, 2008. 311 с.
18. Сафронов Ф.Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., Наука, 1978. 267 с.
19. Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908. 96 с.
20. Хаховская Л.Н. Российская государственность как фактор этнической истории коренных малочисленных народов Северо-Востока России // Россия на Тихом океане: роль личности в становлении российской государственности и проблемы безопасности. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 181—189.
21. Черноситов П.Ю. Русская колонизация Севера: становление и разрушение «генофондов культуры» // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток: ДВО РАН, 1992. С. 123—142.
22. Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М.: Наука, 1974. 376 с.
23. Gurson G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. London, 1889.